

но во сладкое брашно всяка заколется, —
И нача по единой оны закалати
и во пиру мертвыя свою полагати.

Тако грядущий господь во последнем часе
во трубе торжественней в архаггелстем гласе
Над морем мира сего трубит ныне выну
усты проповедников человеку сыну
Всякому: да приходит из пучины к нему,
яко ко истинному господу своему,
Да из глубины грехов к нему притекает
и от адских челюстей тако ся спасает.
Аще убо кто гласа не послушив сего,
играя в бездне хрегов, бегает от него,
Мрежею смерти имат уловенный быти,
ею же никому же подобно избыти.
Изъят же на брег суда, имат не скакати,
но от страха и беды люте трепетати.
Наконец заклан будет ножем казни вечны
и вовержется во ад, в муки бесконечны.
Тамо огнем сжарится и сварится зело,
будет в пищу демоном и душа и тело.
Оле казни лютыя! тоя вси гонзайте,
на глас проповедников к богу притекайте!
Бежите грехов бездны, ко Спасу теците,
донележе есть время, бегством ся спасите.
Не ожидайте мрежи смерти, ибо тако
заятый поневоли не спасется всяко.⁸

Разумеется, тут нет нужды искать внутреннего единства сюжета и его применения. Их совмещение построено только на самих метафорах (и то не полно): «море мира», «глубина грехов», «бездна грехов», «пучина» (однако — «мрежа смерти»), — метафорах, либо совершенно традиционных, либо продолженных по тому же кругу ассоциаций: «брег суда», «нож казни вечны», «адские челюсти».

Проникает басня и в церковную проповедь, хотя служила здесь только подобием («прилогом»), чаще внешним, — а то и просто как атрибут ученой осведомленности проповедника. Для южной Руси это вполне обычно: тут сказывались определенные черты юго-западной духовной образованности, традиции ее красноречия и далее — традиции проповеди католической.⁹

Иной настроенности придерживаются во второй половине века московские ревнители православия. Рекомендации гомилетов византийско-греческой ориентации сдержаннее и строже. «Яко мирской краснословец согрешает, аще в слове своем прилогов церковных или писма святаго часто употребляет... , тако и проповедник слова божия воздержится от прилогов мирских и възыщет прилоги с писма святаго», — предостерегает «Риторика» Софрония Лихуды.¹⁰

Да и самый жанр басни гомилетикой оценивается весьма невысоко. Тот же Лихуда в главе «О предсудии или законе» наставляет судебного оратора: «... басни зело приличны суть честным человеком, егда народословят к людем. Обычай имеют еще басни привлекати сердца человек, изряднее грубьянов и неученых ... Да не часты зело будут, ниже да

⁸ БАН, 31.7.3, лл. 482 об.—483.

⁹ См.: Ю. Ф. Самарин. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. — В кн.: Сочинения Ю. Ф. Самарина, т. V, ч. III. М., 1880, стр. 345—391; Н. Ф. Сумцов. Иоанникий Галатовский. (К истории южнорусской литературы XVII в.). Киев, 1884, стр. 5, 21, 22.

¹⁰ ГПБ, собор. Погодина, № 1659, л. 287.